

«НЕ МЕНЬШЕ ПЯТИ НАХОДОК»

В МУЗЕЙ С НЕОБЫЧНЫМ ЗАДАНИЕМ

Шестой класс. С портрета, прикреплённого магнитиком к классной доске, Антон Павлович смотрел на нас сквозь линзы своих очков...

В классе уже играли в игру, которую придумали сами ребята. Вдоволь насмеявшись над чеховским: «Боится родителей, братьев, мужа, мышей, лягушек, тараканов, больших мух...», – начали придумывать свои комические несоответствия: «Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь» или «Без труда – кобыле легче»...

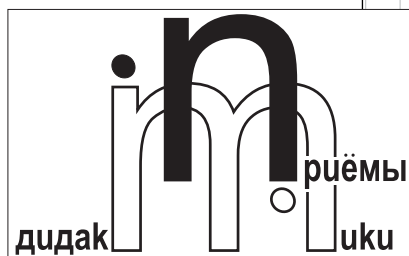
К этому времени уже были нарисованы интересные иллюстрации к чеховским рассказам. Кто-то, перечитывая «Толстого и тонкого», уже вспомнил лермонтовский «Парус»...

Пора было знакомиться с Чеховым лично.

СТРАННЫЙ ХОД

Вести класс в Дом-музей Чехова на Садово-Кудринской я не спешил: слишком люблю Антона Павловича, чтобы полагаться на произвол случайной встречи с экскурсоводом. Было несколько печальных опытов хождения в другие музеи, когда дети уставали от витиеватых рассуждений взрослого-рассказчика, от его занудства или излишней артистичности.

В общем, экскурсоводов я побаивался. И вот из статьи Марии Ганькиной узнаю, как она с классом «дикарями» ходит по музеям (см. № 5, 2013 – прим. ред.). Как в Питере

СЕРГЕЙ ПЛАХОТНИКОВ,
*учитель литературы, ЦО
«Измайлово» №1811, г. Москва*

**Внутренняя ограниченность –
это всегда печально.
Но внешние ограничения
могут, оказывается, давать
удивительные результаты,
расширяя диапазон
внутренних возможностей.**

они сами заводили знакомства с музейными работниками, дошло даже до того, что им дали потрогать руками (!) пистолет, из которого стрелял Дантес.

Статья подсказала мне такой, казалось бы, странный ход: дать детям задание – **выписать пять интересных (самых-самых) находок-фактов, которые они подметят в музее, а потом, в классе, поделиться своим материалом с другими.** Так я и сделал. Случайным образом, по жребию, класс объединился в две группы.

Детям я объяснил, что, во-первых, мы идём к Чехову *домой* и что в гости по двадцать восемь человек не ходят.

Во-вторых, визит вежливости обычно длится **не более двадцати пяти минут** – вдруг хозяину некогда разговаривать дольше? Поэтому – предупредил я – наш первый визит будет краток.

Попросил также взять с собой блокноты и ручки для записей **находок-фактов, которых может оказаться и больше пяти (ну уж никак не меньше).**

В гости к Чехову

Первое, что обрадовало меня при проходе через ворота чеховского «Дома-комода», – это моя личная учительская рассеянность. Ребята собрались около запертой парадной двери дома и с удивлением тыкали пальцами в табличку «Доктор А. П. Чехов». Дело в том,

что я забыл сказать им о первой профессии Чехова и теперь был очень рад, потому что многие открыли это сами. Кое-кто обратил внимание и на «Ъ».

Работники музея приняли нас с любовью: вручили билеты, обули в мягкую обувь и, благословив, предупредили, что впереди нас идёт экскурсия. Экскурсию было слышно и так: мужской баритон в упоении что-то вещал, и вещал он – как потом выяснилось при встрече на втором этаже – старшеклассникам.

Выжидая у закрытой двери, когда экскурсия покинет первый зал, мы рассматривали рисунки из писем Антона Павловича. Кто-то вспомнил народный лубок, кто-то – как на ИЗО сами раскрашивали акварелью по туши. Успели попутешествовать по Садовому кольцу, план которого висел прямо у двери. Нашли на плане и «Дом-комод»...

По первому залу разбрелись случайно и одновременно. Музейный работник предупредила нас о направлении осмотра, задавая логику развития экспозиции. Но задачи у нас были другие, и мы невольно разрушили с первых же шагов эту логику, задавая свою: *мол, времени мало, а надо многое в гостях успеть.*

При чём тут Лев Толстой?

Одна из первых странностей, которая мне запомнилась, состояла в вопросе Жени: «Почему в музее Чехова висит портрет Льва Толстого?» Я пожал плечами, но вопрос мне понравился. После первых минут нашего пребывания в зале ребята начали активно записывать что-то в свои блокноты. Писать было неудобно, приходилось припадать на колено или пристраиваться на подоконниках. Но эти неудобства нисколько не замедляли работу, а скорее наоборот – задавали ей определённый ритм.

Время поджимало, надо было двигаться дальше, но кабинет Антона Павловича был занят старшеклассниками. Работник музея любезно позволила нам прошмыгнуть на второй этаж в гостиную, где её коллега предложила на выбор английский или русский вариант текста комментариев к обстановке комнаты.

Ира читала по-русски вслух комментариев, остальные рассыпались по гостиной, заглядывая в комна-

ту Марии Павловны, записывая... Но продолжалось это совсем недолго. Зычный голос экскурсовода, шум поднимающихся по лестнице шагов и общий гомон старшеклассников заставил нас ретироваться в соседний зал. «Я, Евгения Михайловна, *работаю*, а они что здесь делают?» – так сказал входящий экскурсовод дежурной по комнате, что придало ещё большую ритмичность нашей работе.

Здесь же, на втором этаже, Жене, опять встретившей фотографии Льва Николаевича и его письма, вдруг стало ясно, почему на первом висит портрет Толстого. То-то она была довольна!

Всё складывалось гладко. Было очевидно, что Чехов нас ждал.

Вопреки установленному маршруту после второго этажа мы не пошли в концертный зал, пристроенный к дому, а снова спустились вниз и окунулись в мир чеховского кабинета...

Время летело неумолимо, я топил ребят. Они не хотели уходить, дулись на меня, а я обещал, что ещё вернёмся.

Уже после, когда мы направлялись в метро, кто-то спросил: «А какие книги стояли в шкафу у Чехова?» Возвращаться было поздно, но вопрос запомнился, и не только мне.

По следам первопроходцев

Вторая группа шла по стопам первой. В музее нас почему-то запомнили и сразу узнали.

В первом зале снова была экскурсия, и женский голос, продираясь сквозь шум, что-то надрывно выкрикивал. Нам объяснили, что это большая городская экскурсия и лучше подождать: они приехали на автобусах и пройдут быстро.

Ребята работали так же сосредоточенно, как и те, что были в прошлый раз. Я уже смелее отсылал их с вопросами к работникам музея. Позже я узнал о том, что работники музея не должны ничего рассказывать, им вменяются совершенно другие обязанности. Но будучи людьми порядочными, не могущими пройти мимо детского вопроса, они всё же кое-чем с ребятами поделились.

Так, когда на этот раз (вопрос из первой группы про книги запомнился) мы стали рассматривать корешки книг в шкафу в кабинете Чехова, бабушка-смотрительница рассказала, что это не чеховские книги – свои он отправил на Сахалин, – а собранные по рукописному списку Чехова Марией Павловной уже после смерти Антона Павловича.

Городская экскурсия, обмотанная «спартаковскими» красно-белыми шарфами, действительно оказалась шумной. Мы снова прошмыгнули на второй этаж и благодаря заботе Евгении Михайловны (работника музея) с экскурсией не столкнулись, а в гостиной могли остаться подольше, насколько позволяли неумолимые 20 минут.

Полочка Левитана

Все началось с полочки *Левитана*, о которой мы галопом прочитали в любезно предоставленных нам комментариях. В прошлый раз ребята не обратили на неё внимания, а в этот – оказалось, что в гостиной такой полочки с вещами художника нет. Сколько мы ни ходили по комнате, как ни заглядывали в спальню Марии Павловны – полочки нигде не было.

Евгения Михайловна всплеснула руками, услышав о нашем недомении, и пустила нас туда, куда попадают лишь те, кто читает внимательно... И там мы узнали, что Левитан, или, как его ласково называл Антон Павлович, *Левиташа*, сватался к Марии Павловне, но получил отказ. Сказано нам это было шёпотом, по секрету. И запомнилось надолго...

Выставка находок

Серёжа в музей не попал. Он торопился, но опоздал к нашему отходу. Окончательно запутался со временем, ждал нас, расстроился и ушёл домой. Его день был испорчен. Мама потом рассказывала, что пришёл он домой чернее тучи.

На уроке мы попытались дать Серёже почувствовать то, что почувствовали мы, пережить то, что мы пережили...

Я помог ребятам объединиться в группы по пять человек. На больших листах (старых плакатах с бе-

лой оборотной стороной) «искатели» фломастерами выписали свои двадцатиминутные находки, разместив их по этажам музея. Надо ли говорить, что ребята, которые ездили первыми, были «приятно ошеломлены», узнав о полочке Левитана и о книгах в кабинете Антона Павловича.

Серёже тоже нашлись дела в одной из групп – кому-то помогал записывать находки, кому-то диктовал музейные записи, у кого-то проверял ошибки. И вот плакатные листы готовы. Ребята, вдоволь набродившись между сдвинутыми партами из команды в команду – читая, узнавая, недоумевая, исправляя ошибки и неточности, – все свои работы вручили Серёже.

Домашнее же задание было такое: *составить картотеку своих музейных находок, записав каждую на отдельной карточке (теперь уже без ошибок) и расположив карточки в алфавитном порядке по первой букве.*

Как дети справились с алфавитным порядком, судите сами.

Из «АРХИВА» СТАСА Е.

Дверь в первый зал музея-квартиры Ч. была чёрным ходом, куда завозили дрова и воду, а все лампы дома работали с помощью масла.

Левитан любил Марию Павловну и даже делал ей предложение, на которое она ответила отказом.

Мария Павловна Чехова после смерти Ч. собрала по списку

точную коллекцию книг, так как Ч. отослал свои книги на Сахалин. В коллекцию входили неполные собрания Толстого, Шекспира, Пушкина и три или четыре тома Жюль Верна.

На первом этаже находилась комната, которую Ч. называл «моя тайная Канцелярия».

Пьесы Ч. поставлены в театре, основанном в 1898 г. Станиславским и Немировичем-Данченко. И назывался тогда этот театр «Общедоступный художественный театр».

Старая крыша делала дом похожим на старый комод, а Ч. называл этот дом «Дом-комод». Зачем тогда сделали новую крышу и не сохранили вид дома таким, каким его видел Ч.?

Ч. был участковым врачом, лечащим холеру: «Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты...» (Из письма Н.А. Лейкину.)

Ч. имел достаточно высокий рост – 186 см.

Из «АРХИВА» ЖЕНИ С.

Друзья Ч. по факультету чем-то на него смахивают (фото 1883 г.).

Меня удивляет, почему с улицы дом Ч. очень маленький, но в нем помещается так много и больших, и маленьких комнат.

Мне кажется, что Ч. и Толстой были настолько разными людьми... Но они дружили. В доме очень много фото Толстого.

Очень маленькая больница, где в 1884 г. работал Ч., – одноэтажная и скрыта за деревьями (на фото). Её незаметно, и, наверное, у Ч. было мало клиентов.

У Ч. очень мелкий почерк, но когда он расписывается, его роспись занимает очень много места.

Ч. мог бы быть художником.

Находки «архивариусов»

Комната, где курили гости Ч., находится точно над входом и выглядит как маленький ящичек в комод.

Только в комнате Марии Павловны есть гвоздики, к которым привязывались занавески.

В одной из комнат есть письмо, начинающееся со слова «дарагому» – очень похоже на почерк Сергея.

Пенсне, которое висит на стене, и пенсне на фотографии Ч. разные.

Ч. не одобрял шампанское.

Ч. любил ловить рыбу.

Сестра Ч. ходила в театр, потому что у нее на столе на перчатках стоит маленький бинокль.

Почему Ч. редактировал тексты? Он работал и редактором?

Барометры, конечно, разные, но этот не был похож ни на один их тех, которые я видел.

Да, странно, почему техникой (да ещё какой!) пользовались, а ездили на лошадях.

Ч. восхищался Пушкиным и увлекался географией.

За время своей жизни в Москве Ч. сменил 15 мест жительства.

Ч. любил замазывать то, что у него не получалось (как мы).